

Встреча с интересным человеком

Народный артист РСФСР

Евгений Яковлевич

ВЕСНИК

Двадцать два года было гвардии лейтенанту Евгению Веснику, когда в победном сорок пятом вернулся он в Москву. Воевал на Карельском и 3-м Белорусском фронтах. Родина отменила его заслуги орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». После войны к боевым наградам прибавилась еще одна — орден Трудового Красного Знамени. А недавно в связи с шестидесятилетием со дня рождения популярнейший актер театра, кино и телевидения был награжден орденом Дружбы народов.

В сорок пятом Евгений Весник впервые переступил порог театрального училища имени Щепкина при Государственном академическом Малом театре. Сегодня он — один из ведущих актеров прославленной труппы.

«ХУДОЖНИК—ВЛЮБЛЕННЫЙ В ПРОФЕССИЮ ЧЕЛОВЕК»

— Сколько же ролей вы сыграли, Евгений Яковлевич?

— Могу ответить точно: шестьдесят семь в кино, сто двадцать в театре, из них сто девятнадцать — на московской сцене и одну — роль генерала Чуйкова — в спектакле Волгоградского драматического театра, когда отмечалось 30-летие Сталинградской битвы.

— Пожалуйста, немного о себе. Как говорится, кто вы родом, откуда вы?

— Мой отец был первым директором Криворожстроя в начале тридцатых годов, строил нынешний металлургический комбинат имени Ленина. Я воспитывался на величайших образцах дисциплины и рабочего патриотизма. Мальчишкой, помню, вместе с отцом бывал на новосельях в рабочих семьях, видел, как в бараках из газет вырезались причудливые занавески, как светились радостью глаза людей, устраивавших нехитрый свой уют. Все это в памяти...

— А когда вас впервые «зацепило» лицедейство?

— Виной всему... птицы. Однажды увидел, как они танцуют. Это было загадкой, которую захотелось разгадать. Это было началом того душевного беспокойства, которое и привело меня в будущем в театр.

Ходил в местный ДК, смотрел спектакли приезжих гастролеров. Между прочим, кумиром моим тогда был молодой актер из Днепропетровска Кенигсон, ныне народный артист СССР, с которым я работаю сегодня в одном театре.

Дома старательно подражал профессионалам, представляя себя то Отелло, то Костей-капитаном. В любительских спектаклях сыграл в те годы несметное количество ролей. На профессиональной сцене не сыграл и двадцати части этих ролей.

— Итак, не считая множества работ на радио и телевидении, вами сыграно около двухсот ролей, показано огромное количество характеров. Это как-то повлияло на ваш собственный характер?

— Трудно сказать. Но одно могу утверждать наверняка: стало легче разбираться в людях, с которыми общаешься ежедневно. Вообще же характер человека меняется проживая им жизнь. Роли — часть жизни актера.

— Верно, есть в вашем послужном списке роли, которые не просто запомнились, но стали этапными в творчестве.

— Смотря что считать этапом в творчестве. Многие из моих коллег резонно, возможно, считают этапными роли-открытия, после которых актер начинает работать в совершенно новом, порой неожиданном для себя жанре. Я же, напротив, этапными считаю роли, которые... не удались. Появляется сильная злость, импульс, если хотите, к активным поискам, стремление победить неудачу. Вот это рожаемое во мне призывное начало и считаю этапом.

— А что объединяет ваши роли? Не буквально, разумеется...

— А в буквальном смысле они просто не могут быть никак объединены: я характерный актер. Понимаете, актер в роли может быть или прокурором, или адвокатом своего героя. Я всегда стараюсь быть адвокатом. Это надо понимать как стремление очеловечить персонажа, который предстоит сыграть, вернее, о котором предстоит рассказать. Даже в самом плохом человеке стараюсь найти позитивное начало, которое — я в этом уверен — не утрачено ни в ком.

Вот, например, я играю в Малом театре Городничего. Хрестоматийно отрицательный персонаж. А ведь это не совсем так. Ну, объективно: муж, отец, кормилец, хочет удачно выдать замуж дочь, видеть ее в счастье и благополучии. Какой отец не хочет этого? И вдруг попадает в положение, которое грозит катастрофой его личному благополучию, а значит, и благополучию его семьи. По-человечески его жаль. Жаль, потому что он жертва. Жертва той системы, которую сам же олицетворяет. Непонятно, почему Городничего порой играют смешным, нелепым, таким тупым созданием. Он трагикомичен. А если взглянуть на создавшееся положение его

собственными глазами, то оно трагично. Но ведь актер смотрит на ситуацию именно глазами своего героя, иначе будет неправда... Так почему я должен традиционно играть комедию?

— И все-таки Евгения Весника считают комедийным актером...

— Непонятно. «Уж сколько раз тверди миру», что в искусстве не существует жанра в чистом виде. А знаете ли вы, что самые драматические роли — это роли... комические?

— ?!

— Драматические... для актера. Актеры такие же люди, как и все не актеры — со своими сложностями в жизни, душевными взлетами и катастрофами. В творчестве, быту, любви. И комик в том числе. А им, комикам, надо каждый день выходить на сцену и смешить людей, часто при этом вопреки своему собственному душевному состоянию. Разве это не драма? У тебя умер близкий тебе человек, бросила любимая женщина и так далее, а ты идешь веселить публику, которая, к слову сказать, нисколько в твоих бедах не виновна...

Очень часто те, кто смешит других, в жизни люди грустные. Хотите пример? Из литературы. Хитрый Зощенко. Что до актеров... Уверю вас, быть смешным не так просто, как кажется. Если хотите, в этом драма нашей профессии.

— Скажите, пожалуйста, а как вы относитесь к критике в свой адрес? Вообще — к критикам?

— Давайте разделим: это два совершенно разных вопроса. К профессиональной — я это под черкиваю — критике отношусь с большим вниманием и интересом, так как жду от нее реальной помощи. Непрофессиональная критика меня бесит, потому что она столь же реально вредит — и актеру, и театру, и зрителю. Она глубоко неверно ориентирует внимание последнего, портит его вкусы. Что же касается отношения к критикам, то (улыбается) Спартак Мишулин однажды хорошо оказал: «Очень люблю критиков, особенно Белинского». Я лучше не скажу.

— Скажите, а сам актер — должен ли он отличать поражение от победы в своем творчестве?

— Мне кажется, что всегда должно сравнить свою деятельность с идеалами молодости. Тогда появится и отношение к собственной работе.

— У вас есть такие идеалы?

— Конечно. Качалов, Хмелев, Дикий...

— Вы играете в пьесах различных авторов. Кто из них вам ближе?

— Тот, кто более правдив. Толстой, например.

— Назовите какое-нибудь имя в советской литературе, безотнositельно к театру.

— Паустовский. Из современников очень люблю Виктора Конечного, особенно одну его вещь — «За доброй надеждой». Еще — «Дверь», о блокаде Ленинграда.

— Ваши музыкальные пристрастия?

— В разные годы — разные. Какое-то время после рождения любил колыбельную музыку. Лет в пятнадцать любил песни типа «Ах, эти черные глаза», в 18—20 лет — грустные солдатские песни военных лет. После Победы — джаз. Сейчас люблю серьезную симфоническую музыку.

— Евгений Яковлевич, вы бывший фронтовик. Какое самое сильное впечатление вы вынесли из военных лет?

— Главное впечатление — это бескорыстная дружба, единство людей, от солдата до генерала. Понимание того, что, независимо от звания, все находится в равном опасных условиях, когда смерть не разглядывает, какие погony на плечах...

Ежегодно встречаюсь со своими фронтовыми товарищами, и эти встречи приносят ни с чем не сравнимую радость.

— А что считалось самым позорным на войне?

— Иметь какие-то привилегии

перед другими, протекции. До сих пор мне отвратительны люди, которые пользуются протекциями и незаслуженными привилегиями.

— Каждая профессия уникальна. В чем, скажите, уникальность профессии актера?

— Три акта спектакля — это три раунда со зрителем. Или он меня или я его. Считаю, что наша профессия, несмотря на свою многовековую историю, совершенно не изучена. Станиславский сказал: подсознание. А механизм действия подсознания в общем-то мало кому известен.

— Но, по крайней мере, себя можно познать в профессии...

— Я отвечу словами писателя Конечного: «Себя можно только придумать».

— Раз уж вы прибегаете к цитатам, то, может, поделитесь любимой фразой кого-то из великих.

— Скажем, не любимой, но крепко запомнившейся. «Одиночество прекрасно, если ты не один». Это сказал Бернард Шоу.

— В какой роли вы себе не понравились?

— Мне легче ответить, в какой роли я себе нравлюсь. Но не спрашивайте, в какой именно, мне опять трудно будет ответить.

— И все-таки?

— В будущей.

— Как вы думаете, из чего складывается судьба актера?

— Наша профессия не поддается никакому планированию.

— Выбрали бы вы другую профессию?

— Верните мне молодость, и я отвечу на ваш вопрос.

— Может ли человек стать художником в любой профессии?

— В идеале обязан. Я знаю милиционера, которого смело могу назвать настоящим художником. Сужу об этом по тому, как вдохновенно руководит он движением, с каким тактом относится к тем, кто обращается к нему с вопросом или просьбой. Он влюблен в свою профессию. Художник — это влюбленный в свою профессию человек.

— А если человек не влюблен в свою профессию? Такое ведь тоже бывает.

— Тогда он должен просто честно выполнять свое дело.

— Самое яркое впечатление в вашей жизни?

— Отец. Идеал скромности, трудолюбия и любви к ближним.

— Самое неожиданное для вас знакомство?

— Когда учился примерно в четвертом классе, моим кумиром в спорте, конкретно в боксе, был заслуженный мастер спорта и чемпион страны Лев Сигалович. Мне, мальчишке, он казался тогда гигантом, титаном... Много лет спустя в спортивном зале «Крылья Советов» меня познакомили с маленьким, ниже меня ростом, человеком, который посмотрел на меня глазами невыспавшегося Светлова и произнес пронзительным фальцетом: Сигалович.

— Это почти курьез. А теперь — настоящий курьез, пожалуйста.

— Дайте вспомнить... Ну вот, представьте, самолет Минеральные Воды — Москва должен вылететь в 10 утра. В шесть часов вечера я должен уже быть в театре и гримироваться. Вылет задерживается сначала на два часа, затем на три, на пять часов! Вылетаем в четыре часа дня. Прилетаем в Москву, и я всеми правдами и неправдами затискиваюсь в первое же такси. В шесть сорок пять вбегаю в здание филиала Малого театра на Ордынке, и первое, что бросается в глаза, — это больших размеров объявление о том, что спектакль отменяется в связи с болезнью одной из актрис. Назначен другой спектакль, в котором я не занят.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.